

СОВРЕМЕННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ

О.В. ОСИПОВА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Тверской государственный университет»*

Настоящая статья обращает внимание на специфику традиционной эпистемологии и новый взгляд М.М. Бахтина и его последователей на процесс обогащения традиционных понятий идеями и методами специально-научных дисциплин.

Ключевые слова: философия языка, эпистемология, теория познания

MODERN EPISTEMOLOGY: NEW OPPORTUNITIES OF DEVELOPMENT O.V. OSIPOVA

The present article is devoted to specifics of traditional epistemology and a new view of M. M. Bakhtin and his followers to the process of enrichment of traditional concepts by ideas and methods of special and scientific disciplines.

Keywords: language philosophy, epistemology, theory of knowledge

В традиционной эпистемологии идеалом знания и познавательной деятельности, а главное — самой теории познания всегда были естественные науки. Одновременно с этим опыт наук о культуре и духе, содержащий человеческие смыслы, этические и эстетические ценности, долгое время оставался за пределами эпистемологии. Возможно ли выйти из этих ограниченных представлений и опереться на иные традиции? Как в рациональных формах учесть реального эмпирического субъекта, целостного человека познающего, его бытие среди других в общении и коммуникации; возможно ли и каким образом ввести в эпистемологию пространственные и темпоральные, исторические и социокультурные параметры; наконец, как переосмыслить в новом контексте категорию истины, ее объективность? Поиск ответов на эти вопросы активно продолжается, в том числе в среде российских философов, стремящихся увидеть новые возможности в развитии эпистемологии [5, с.205-206].

Еще в начале XX столетия эти проблемы интересовали одного из российских ученых Михаила Михайловича Бахтина, наметившего ряд программ создания принципиально нового видения и изменения ситуации в философии познания. Исследователи наследия М. Бахтина подчеркивают, что он не довольствовался интуитивным ощущением и различными “иррациональными” построениями, но, “радикальный шаг Бахтина — исходя из неокантианства и отходя от него — заключается в переносе понятия системы из научно-теоретической плоскости в плоскость онтологии...” [4], поскольку высокая научность не компенсирует бытийно-исторической недостаточности. Это можно считать особым систематическим подходом к историческому миру жизни, культуры и творчества. Тем самым Бахтин не игнорировал того, что именуется рациональностью, возобновляя ее прежде всего вслед за Кантом и Когеном, но вместе с тем существенно иначе понимая саму рациональность. Это напрямую

сказано, в частности, в его принципиально значимой концепции поступка: “поступок в его целостности более чем рационален — он *ответственен*. Рациональность только момент ответственности...” [2] Такое видение проблемы коренным образом меняло подходы к ее решению.

Как известно, абстракции традиционной эпистемологии, в соответствии с требованиями классического естествознания, создавались путем исключения субъекта, устранения “человеческого измерения”, которое считалось “несущественным”, хотя для *человеческого* познания таковым быть не могло. В этой традиции преодоление психологизма и историзма, отождествляемых с релятивизмом, достигалось удалением самого человека из познания и его результатов. Что же касается идей М.Бахтина, то они помогают осмыслить ограниченность и специфику традиционной эпистемологии. Именно эту традицию он критически осмысливает в рукописи, получившей название “К философии поступка” [2], где им осознается природа и место так называемого “теоретизированного мира”, “самозаконного” мира познания, в котором субъект, истина и другие категории “живут” своей автономной жизнью, имеют соответствующие контексту смыслы. Он не отвергает этот “мир”, но он скорее является философом-систематиком (как его представляет Л.А. Микешина), осознающим теоретизированный мир эпистемологии в его одновременной фундаментальности и ограниченности, частичности, предполагающей полноту существования только *внутри* бытия-события как необходимой системы в ее целостной архитектонике [5, с.206].

М. Бахтиным осознается особенность и автономность мира, где действует чисто теоретический, “исторически недействительный субъект” — сознание вообще. После отвлечения познающий субъект уже оказывается во власти автономной законности теоретического мира, он теряет свое свойство быть индивидуально ответственно активным, т.е. традиционный субъект эпистемологии предельно абстрактен и правомерен только для отвлеченно-теоретического мира, принципиально чуждого реальному бытию-событию. И в этом случае М.Бахтин отмечает один весьма существенный момент — экспансионистские устремления теоретизма”, которые, как представляется, в полной мере укоренились в науке, философии, культуре в целом [1].

Именно философские мысли М.Бахтина дают возможность понять, что современная эпистемология должна строиться не в отвлечении от человека, как это принято в теоретизированном мире рационалистической и сенсуалистской гносеологии, но на основе доверия человеку как целостному субъекту познания. Объектом эпистемологии в этом случае должно стать познание в целом, а не только его теоретизированная модель, познание превращается в поступок ответственно мыслящего участного сознания и предстает как заинтересованное понимание, неотъемлемое от результата — истины. То, от чего с необходимостью отвлекались в теоретизме, — “ответственно поступающий мыслью”, здесь становится “условием возможности” познания, и в этом суть антропологической традиции в понимании познания, субъекта, истины, собственное видение которой предлагает Бахтин [5, с.208].

Позволив традиционным абстракциям субъекта, объекта, истины остаться в “мире теоретизма”, М.М. Бахтин с необходимостью вводит новые понятия, но на принципиально иной основе, учитывающей “участность” (неалиби), “ответственность” и “поступок” как *бытийные* основания субъекта, истины, познания в целом. Вместо теоретического объекта речь идет о “единой и единственной событийности бытия”, “исторической действительности бытия”, “единственном мире жизни”, которые вбирают в себя и “мир теоретизма”. В теоретическом мире, с его точки зрения, истина автономна, независима от “живой единственной историчности”, ее значимость вневременна, она себе довлеет, ее методическая чистота и самоопределяемость сохраняются.

Предложенный им язык философского дискурса, принципиально отличается от “субъект-объектного” языка традиционной гносеологии. Стремясь преодолеть “дуализм познания и жизни”, М. Бахтин вводит такое понятие-образ, как “поступок”, которое повлекло за собой другие и потребовало одновременного переосмысления традиционных гносеологических категорий. Так, вместо “субъект” используются понятия “живая единственная историчность”, “ответственно поступающий мыслью”, “участное сознание”; “истина” заменяется “правдой”, поскольку “в своей ответственности поступок задает себе свою правду”. Вслед за Л.А. Микешиной будем считать, что скорее всего речь идет не о замене гносеологической истины на экзистенциальную правду, но, об их дополнительности и самостоятельных сферах их применения как понятий [5, с.208].

Традиционно утверждалось, что только трансцендентальное сознание будучи внеиндивидуальным, надсобытийным, “безучастным”, может дать объективно истинное знание. М.Бахтин же обращается к “участному мышлению”. Объектом исследования в этом случае становится познание в целом, а не только его теоретизированная модель, познание превращается в поступок ответственно мыслящего участного сознания, и внешняя социальная обусловленность, обычно обсуждаемая эпистемологами, предстает совсем в ином качестве — как “внутренняя социальность”, бытийная, а не когнитивная характеристика. Это и есть свидетельство иной — антропологической традиции, собственное видение которой предлагает М. Бахтин.

“Участное” понимание признается им как “условие возможности”, неотъемлемое от результата познания — истины. Необходимость “борьбы за истину”, а следовательно, причастность, оказывается, таким образом, сущностным признаком ее получения. Эта мысль близка М.Бахтину и определяет его понимание истины. Итак, вместо “мира теоретизма” с его абстрактными гносеологическими категориями М.Бахтин выстраивает новый мир исторически действительного участного сознания, в который с необходимостью включит также новые — ценностные (этические и эстетические) отношения цельного человека, тем самым замещая частичного гносеологического субъекта в его оппозиции объекту (бинарные отношения) архитектурной целостностью — единством познавательного, этического и эстетического.

Важнейшим философским открытием М. Бахтина его последователи считают идею замещения абстрактного гносеологического субъекта новоевропей-

ской философии взаимоотношением автора и героя. Субъект оказывается “расщепленным” на две составляющие (по аналогии с художественным произведением): того, кто осуществляет рефлекссию над познанием, “пишет” о нем, тем самым становясь “автором”, и того, кто осуществляет само познание, являясь его “героем”. Обнаруживается не выявляемая в “мире теоретизма” внутренняя структура единого в двух лицах субъекта, которая показывает себя только в том случае, если собственно когнитивное отношение дополняется ценностным — этическим и эстетическим. Одновременно выявляется и особая структура эпистемологического акта, где предполагается временная, пространственная и смысловая *внезаходимость*, а традиционное бинарное отношение “субъект-объект” становится, как минимум, тринитарным: субъект относится к объекту через систему ценностных или коммуникативных отношений и сам предстает в двуединости “Я и Другой”, “автор и герой”, и уж если противостоит объекту, то только в таком качестве [3].

Тем самым обнаруживается не столько *научная, теоретизированная*, сколько собственно философская природа эпистемологии и даже ее близость к художественному сознанию. М.Бахтин это уже подметил, когда писал, что “в основе полуфилософских, полухудожественных концепций мира лежит живое событие отношения автора к миру, подобное отношению художника к своему герою, и для понимания таких концепций нужен до известной степени антропоморфный мир — объект их мышления” [1].

Такой подход позволяет использовать в полной мере идеи М. Бахтина при рассмотрении проблемы “когнитивное — ценностное” в эпистемологии. Л.А. Микешина предлагает прежде всего учесть его замечание, в определенной степени справедливое и сегодня, об «экспансии “единого сознания” — теории познания, которая “стала образцом для теорий всех остальных областей культуры”, она как бы осуществляет “теоретическую транскрипцию” этики и эстетики, заменяя единство свершения события единством сознания. Субъект-участник при этом превращается в безучастного, чисто теоретического субъекта, которому противостоит объект, и сам субъект понимается, познается как объект» [5, с.210-211].

Вводя ценностные формы деятельности и заменив традиционного субъекта автором и героем, М.Бахтин существенно изменил смысл и значимость субъекта в традиционной оппозиции “субъект-объект”. Он преодолевает опасность “симметрии”, при которой субъект, поставленный в равные отношения с объектом, сам обретает некую “вещность”. Новое видение субъекта — человека познающего — с необходимостью рождает новое структурное понятие — архитектонику. Познающий, как активно действующий, участно поступающий со своего единственного и конкретного места, “стягивает” в свой центр “эмоционально-волевые тона и смыслы”, этические и эстетические ценности и, наконец, пространственные и временные моменты [1]. Пространство и время в архитектонике субъекта появляется у М.Бахтина как совершенно новая идея в отличие от вневременности и внепространственности “теоретизма”, а также от господства чисто “натуралистической” трактовки этих фундаментальных компонентов человеческой жизни и деятельности. Однако, по справедливому замечанию

Л.А. Микешиной, значимость этой идеи еще не до конца осознана эпистемологами и требует специального исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Собр. соч. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М., 2003.
2. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984—1985. М., 1986. С. 103
3. Бахтинология: Исследования. Переводы. Публикации: К столетию рождения М.М.Бахтина (1895-1995) / Сост. К. Г. Исупов. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1995 . – 370 с.
4. Вахрушев В.В. Бахтиноведение – особый вид гуманитарного знания // Вопросы литературы. - 1997. -№1. - С.293-301.
5. Махлин В.Л. “Систематическое понятие” (заметки к истории Невельской школы) // Невельский сб. Статьи и воспоминания. Вып. 1. К столетию Бахтина. СПб. Акрополь, 1996. С.75-88
6. Микешина Л.А. Значение идей Бахтина для современной эпистемологии // Философия науки. Выпуск 5. Философия науки в поисках новых путей. Москва, 1999. – с.205-224.